

Анна

Амалия Джонс

Анна

«Автор»

2026

Джонс А.

Анна / А. Джонс — «Автор», 2026

Анна была влюблена в герцога. Только им нельзя быть вместе, поэтому их связь была тайной. Анна - прислуга при дворце. Кристоф - герцог. Эта пара любила друг друга, но скрывали свои отношения от всех. Им пришлось пройти через препятствия и интриги, прежде чем они смогли быть вместе.

© Джонс А., 2026

© Автор, 2026

Амалия Джонс

Анна

ГЛАВА 1

Анна вышла из прачечной затемно, когда пар от котлов ещё висел под каменными сводами, а по полу тянуло холодом из нижних переходов. Ладони саднило от щёлока, рукава взмокли до локтей. Она поправила выбившуюся из-под косынки прядь и пошла не к лестнице для прислуги, а в обход, через малую галерею, где в этот час не горели факелы.

Дворцовый люд считал её расторопной и незаметной. Такой она и была — до тех пор, пока месяц назад не задержалась в покоех с охапкой чистого белья, а герцог не вернулся с охоты раньше, чем ждали.

Она помнила, как он тогда остановился на пороге: плащ в грязи, перчатки брошены на стол, у виска — ссадина от ветки. Помнила, как он смотрел, пока она прижимала бельё к груди, будто оно могло

её закрыть. Не закрыло.

Теперь она шла этой тёмной галереей, и сердце стучало в горле оттого, что он мог не прийти.

Дверь в малую библиотеку оказалась не заперта. Анна скользнула внутрь, притворила створку и на секунду замерла, привыкая к темноте. Пахло пергаментом, свечным воском и чуть-чуть — дымом из камина, который в этой комнате не разжигали с осени. Лунный свет падал косо через высокое окно, расчерчивая пол на полосы, как решётку.

— Ты вся дрожишь, — сказал он из глубины комнаты.

Голос был низкий, без улыбки. Она не услышала шагов — только поняла, что он рядом, по теплу, коснувшемуся её плеч раньше, чем его руки.

— Холодно внизу, — ответила она.

Кристоф взял её за запястье. Пальцы у него были сухие и тёплые, шершавые с внутренней стороны — от поводьев. Он поднёс её руку

к лицу идохнул на побелевшие от щёлока пальцы, как дышат на замерзающие.

— Тебя могли увидеть.

— Меня не видят, — сказала Анна. — Я для них как факел на стене.

Он поднял глаза. В полутьме они казались почти чёрными, хотя днём были тёмно-серыми, как вода в пруду перед грозой.

— Это плохо, — сказал он, но не отпустил её руку, а притянул ближе.

1

От него пахло кожей, железом и тем особым запахом, который она научилась различать с закрытыми глазами: мылом с розмарином, каким мылись только в верхних покоех. Она уткнулась лбом ему в

грудь. Через камзол слышно было, как ровно и тяжело бьётся сердце.

— Почему ты пришла? — спросил он тихо, в её волосы.

— Потому что иначе я стою у котлов и думаю о тебе. И это хуже.

Он хмыкнул, и она почувствовала грудью этот короткий смешок. Потом его ладонь легла ей на затылок, под косынку, и он запрокинул ей голову, заставляя смотреть в лицо.

— Анна, — сказал он. — Посмотри на меня.

Она посмотрела.

— Завтра приезжает леди Маргарета. Моя невеста.

Он произнёс это ровно, как человек, который затвердил слова заранее и теперь проверял, не сломается ли от них она. Анна не отшатнулась. Только внутри, под рёбрами, что-то медленно опустилось и замерло, как камень, брошенный в колодец: падал и падал, и не было дна.

— Я знаю, — сказала она.

— Всё изменится.

— Уже изменилось.

Он прижал её к себе, крепко, до хруста в плечах, так, что она услышала, как тихо звякнула пряжка его перевязи. Анна закрыла глаза. Она знала, что между ними и так ничего не должно было быть

— ни этой библиотеки, ни его рук, ни её голоса, произносящего его имя без титула. Но знание это уже ничего не решало. Оно лежало

где-то снаружи, как городская стража за воротами, а здесь, внутри, были только они двое и темнота.

— Скажи, чтобы я ушла, — прошептала она. — Скажи, и я уйду.

Кристоф помолчал. Потом наклонился, и его губы коснулись её виска, у самого края косынки.

— Не могу, — сказал он. — Ты же знаешь, что не могу.

Снаружи, в дальнем конце галереи, послышались шаги — размеренные, с железным пристуком: кто-то из ночной стражи обходил крыло. Оба замерли. Анна почувствовала, как напряглись его пальцы на её спине. Шаги приближались, поравнялись с дверью и, не замедлившись, ушли дальше, к лестнице.

2

Когда затихло, он выпустил её не сразу. Рука его скользнула по её плечу, вниз, к локтю, и задержалась на сгибе, где под грубой тканью рукава билась жилка.

— Иди, — сказал он. — Пока стража не вернулась.

Анна отступила на шаг. В полосе лунного света она увидела его лицо: резкое, с тенью под скулами, с твёрдо сжатым ртом. Он смотрел на неё так, будто запоминал.

— Приходи завтра, после вечернего колокола, — сказал он. — Здесь же.

Она кивнула и, не оглядываясь, вышла. Дверь за ней закрылась беззвучно. В галерее пахло сырым камнем, и откуда-то снизу, из кухонных ходов, тянуло хлебом. Анна шла быстро, опустив голову, и повторяла про себя его слова, как молитву, в которой вместо спасения было только отсроченное на день.

В прачечной ещё горела одна сальная свеча. Старая Марта, не поднимая глаз от починки простыни, буркнула:

— Где тебя носит? Который час.

— В часовню ходила, — сказала Анна.

Марта фыркнула, но ничего не ответила. Анна села на свой тюфяк, стянула косынку и долго сидела, прижав холодные ладони к щекам.

Губы ещё помнили его дыхание. Завтра во дворец въедет невеста герцога, и для всех начнётся праздник, а для неё — что-то, чему она пока не находила имени.

Утром дворец встал раньше обычного. Ещё затемно по лестницам загремели вёдра, из кухни потянуло печёным, в малом дворе конюхи чистили лошадей, а по верхним галереям развешивали полотнища с гербами двух домов. Анна носила воду в прачечную, и руки к полудню снова взмокли до локтей, но уже не от щёлока — от горячей, крахмальной, праздничной работы.

К воротам согнали младших слуг — стоять шпалерой, держать цветы, которых в это время года почти не было, и потому в корзинах

лежали ветки лавра и сухие розы, размоченные в душистой воде.

Анну поставили с краю, у самой арки, где конюхи держали под уздцы белую лошадь — ту, что назначили в упряжку невесты.

Она стояла и смотрела на дорогу. Пыль висела над ней золотым столбом, хотя солнце было низкое, скупое, и света хватало ровно на то, чтобы выбелить стены и сделать все лица одинаковыми.

3

Сначала показались верховые — четверо, в плащах с гербом дома Маргареты. Потом карета: тяжёлая, тёмно-синяя, с серебряными накладками. Колёса гремели по брусчатке, лошади храпели, и двор наполнился тем особенным шумом, какой бывает только при въезде важных гостей, — криками, топотом, скрипом рессор и ремней. Карета остановилась. Слуга откинул ступеньки, распахнул дверцу. Сначала вышла женщина в тёмном платье — не компаньонка, а скорее дальняя родственница, сухая, с острым носом, — и подала руку той, что сидела внутри.

Леди Маргарета вышла медленно, как человек, который знает, что на него смотрят, и не торопится оправдать ожидания.

Она была красива той красотой, которую невозможно оспорить, потому что она складывалась из мелочей: из ровной посадки головы, из дорогой ткани, лежащей без единой лишней складки, из цвета

волос — светлого, почти льняного, убранного под сетку с жемчугом.

Она не была похожа на Анну ничем, и Анна подумала об этом без злобы, просто как о погоде: дождь и снег тоже не похожи.

Герцог вышел навстречу. Анна не видела его с ночи, и теперь он был другой: камзол с высоким воротом, шпага, сапоги, начищенные до зеркала, и лицо — спокойное, как у каменного святого над воротами.

Он поклонился Маргарете, подал ей руку, и она положила ладонь ему на запястье так, будто это было её право, данное от рождения.

Он не посмотрел на Анну. Даже не скользнул взглядом по ряду слуг, где она стояла. И Анна была ему за это благодарна, хотя от этой

благодарности её замутило, как от сладкого вина на пустой желудок.

— Красивая, — тихо сказала рядом Дина, поварова дочь, вытягивая шею. — А холодная, как рыба из погреба.

Анна ничего не ответила. Она смотрела, как Маргарета, не оборачиваясь, проходит через двор, как полотнища качаются над её

головой, как герцог идёт на полшага позади — не потому, что не знает дороги, а потому, что так положено.

Когда процессия скрылась в главной арке, двор начал расползаться. Слуг отпустили по местам. Анна подняла свою корзину с лавром и понесла её на кухню, а потом в прачечную, и весь остаток дня у неё из головы не выходила одна простая вещь: у Маргареты были холодные руки. Она заметила это, когда та подавала руку, — пальцы белые, тонкие, и на указательном, под перчаткой, угадывалось

4

тяжёлое кольцо. Кристоф не поцеловал ей руку. Он просто принял её ладонь, как принимают повод из рук конюха.

ГЛАВА 2

К вечеру Анна так устала, что ноги гудели, а в висках стучало. Но после вечернего колокола, когда прачечная наконец затихла и Марта захрапела на своей лавке, она встала, ополоснула лицо ледяной водой из ведра и снова накинула косынку.

Она не думала о том, что делает. Она просто знала, куда идёт, — тем же обходным путём, через малую галерею, где факелы по-прежнему не горели, где пахло сырым камнем и снизу тянуло хлебом.

Дверь в библиотеку снова была не заперта. Анна вошла и впервые за день выдохнула.

Он стоял у окна, спиной к ней, и смотрел во двор, где до сих пор догорали факелы праздничного приёма. Когда дверь скрипнула, он не обернулся.

— Ты всё видел, — сказала она, сама не зная, вопрос это или упрёк.

— Видел, — ответил он. — Ты стояла с краю, у арки.

Анна замерла. Значит, он всё-таки смотрел. Не на неё, а сквозь, но смотрел, и запомнил, где она стояла, и теперь это знание лежало между ними, как третье, лишнее тело.

— Твоя невеста красива, — сказала она.

Кристоф повернулся. В полутьме лицо его было усталым, под глазами залегли тени, и ворот камзола оказался расстёгнут — узел, который затягивали на приёме, теперь давил.

— Подойди, — сказал он.

Она не двинулась.

— Анна. Подойди ко мне.

Она подошла — медленно, как идут не к человеку, а к краю чего-то высокого. Он взял её лицо в ладони, грубо, как тогда, в первый раз, и поцеловал — коротко, жёстко, словно хотел выпить из неё весь

день, который им обоим пришлось прожить порознь.

— Я не мог подойти, — сказал он, оторвавшись. — Весь день не мог.

— Я знаю.

— Ты не знаешь. Я смотрел, как она идёт по двору, и думал только о том, что ты стоишь в десяти шагах и не смеешь поднять глаз.

5

Анна подняла глаза. Он смотрел на неё так, что ей на секунду стало страшно — не за себя, а за него, за то, что человек с таким лицом может наделать глупостей.

— Это и есть моя жизнь, — сказала она тихо. — Стоять в десяти

шагах и не смей поднять глаз.

Кристоф сжал её плечи.

— Нет, — сказал он. — Нет, это не жизнь. Это то, что мы терпим, пока не придумаем, как иначе.

— А ты придумал?

Он промолчал. И это молчание было страшнее любого ответа, потому что она поняла: нет, не придумал. Потому что между ними

стояла не только невеста, не только двор и не только разница в крови. Между ними стоял сам порядок вещей, в котором герцог мог взять любую, но не мог оставить себе ту, которую взял.

Она отстранилась первая.

— Расскажи мне о ней, — попросила она, сама не зная зачем.

— Зачем тебе?

— Затем, что если я буду её бояться, то сойду с ума. А если буду знать — может, смогу ненавидеть. Ненавидеть легче.

Кристоф покачал головой.

— Её не за что ненавидеть. Она ничего не выбирала, как и я.

— Тогда кого же ненавидеть?

Он подошёл к окну и снова уставился во двор, где факелы уже гасили один за другим, и темнота съедала свет, как голодный зверь.

— Никого, Анна. В этом и беда. Некого.

Она встала рядом, но не касаясь. Внизу, в малом дворе, конюхи уводили последних лошадей, и стук копыт по брусчатке отдавался в каменных стенах, как чужое сердце.

— Завтра начнётся, — сказал он негромко. — Сватовство, дарственные, пиры. Меня посадят рядом с ней, и все будут смотреть.

— Ты справишься.

Он повернул голову и посмотрел на неё.

— Я не о себе, — сказал он. — Я о тебе.

Анна подняла подбородок. Ей хотелось сказать что-нибудь простое и гордое, но гордость в прачечной не выживала — она таяла от щёлока, как мыло. Поэтому она сказала правду:

— Я буду стоять в десяти шагах. Как всегда.

6

Кристоф ничего не ответил. Он стоял и смотрел на неё, и в этом взгляде было столько всего, что Анне показалось: ещё немного, и она захлебнётся. Потом он медленно, как человек, который сам себе не верит, протянул руку и вытащил шпильку у неё из-под косынки. Волосы рассыпались по плечам тяжёлой, влажной от вечерней сырости волной.

— Завтра, — сказал он, наматывая прядь на палец, — после того, как всех распустят. Здесь.

Она кивнула. Он притянул её к себе — в этот раз мягче, без жадности, — и прижался губами к её виску, к тому самому месту, где под тонкой кожей билась жилка. Анна закрыла глаза и позволила себе на один долгий миг не думать ни о чём.

Они расстались, когда в галерее снова послышались шаги — на этот раз двое, с факелом, и огонь его лёг на стену напротив двери

длинным, качающимся языком. Анна выскользнула первой, прижимаясь к стене, и ушла в темноту, не оборачиваясь. Кристоф

остался стоять у окна, пока свет не растаял за поворотом.

Ночь прошла для неё без сна. Она лежала на тюфяке, слушала, как сопит Марта, как где-то в стене скребутся мыши, и перебирала в уме всё, что случится утром. Сватовство. Дарственные. Пир. Слова, которые до вчерашнего дня ничего не значили, а теперь лежали у

неё на груди, как жёрнов.

Утром её подняли затемно. День обещал быть длинным, и он оказался длиннее, чем она боялась.

Гостей впускали в большой зал с утра. Анну поставили подавать к столу — не к главному, куда её и близко не пустили бы, а к нижнему, где сидели казначеи, писцы, младшие родственники и те, кого

пригласили из вежливости. Она разносила блюда, наполняла кубки и всё время краем глаза следила за верхним столом.

Маргарету посадили по правую руку от герцога. Они сидели рядом — два профиля, вырезанных из разных пород камня: она — светлая, спокойная, он — тёмный, замкнутый. Они почти не разговаривали.

За них говорили другие: отцы, дядя, церемониймейстеры, люди с пергаменами и печатями.

К обеду огласили условия. Анна слышала обрывки, доносившиеся через зал: земли по восточной границе, приданое в звонкой монете, союз против северного дома, о котором шептались весь месяц. Речь

шла не о двух людях, сидевших за столом. Речь шла о границах и

7

войсках. И в этом был весь ужас: её, Анну, отделяла от Кристофа не женщина, а карта, которую можно было расстелить на столе и придавить кубками.

К вечеру у неё ныла спина, а от винных паров мутило. Когда пир начал расплзаться, когда захмелевшие гости потянулись кто к картам, кто к конюшням, кто по тёмным углам, Анну наконец отпустили. Она вышла во двор, к колодцу, села на край каменного корыта и стащила с ног башмаки. Ноги были стёрты до крови в одном месте, у пятки.

Она не услышала, как он подошёл. Просто подняла голову — и он уже стоял рядом, без шпаги, в расстёгнутом на груди камзоле, и смотрел на её босые ноги.

— Покажи, — сказал он.

— Это пустяк.

— Анна.

Она неохотно вытянула ногу. Кристоф опустился на корточки — герцог, на корточки, у колодца, где его мог увидеть любой конюх, — и взял её ногу в ладони, повернул, рассматривая ссадину в свете ущербной луны.

— Я велю принести мазь, — сказал он.

— Тогда завтра вся дворян будет знать, что ты разглядывал ноги прачки.

Он поднял глаза.

— Дворян и так знает больше, чем мы думаем. Двор — это одно

большое ухо.

— Тем хуже для нас.

— Тем хуже, — согласился он, но её ногу не выпустил, а провёл большим пальцем по пятке, осторожно, вокруг ссадины, не касаясь.

— Ты весь день была у меня перед глазами. Я видел, как ты ходила между столами. Я не мог думать ни о чём.

— А нужно было думать о границах, — сказала Анна. — Я слышала: приданое, земли, северный дом.

Кристоф поморщился.

— Я слышал это триста раз. От этого не легче.

Он выпустил её ногу и сел рядом, на край корыта, слишком близко для двух людей, которым не положено сидеть рядом. Пахло от него вином и усталостью.

8

— Мой дядя сегодня сказал, что свадьбу назначили на середину осени, — проговорил он, глядя перед собой. — До первого снега.

Анна почувствовала, как холод от камня ползёт вверх по позвоночнику.

— Значит, у нас есть время до первого снега, — сказала она.

Он повернулся и посмотрел на неё так, будто она сказала нелепость.

— Время для чего?

— Не знаю, — сказала Анна. — Но если бы я знала, что это конец, я бы, наверное, легла на дно колодца. А я ещё не легла. Значит, что-то во мне не верит.

Кристоф долго молчал. Потом взял её руку — ту, что покоилась на колене, — и переплёл свои пальцы с её, крепко, до побеления костяшек.

— Я не дам этому случиться, — сказал он тихо. — Я не знаю как. Но не дам.

Анна не ответила. Она смотрела на их сплетённые руки, на его тёмные пальцы и свои, покрасневшие от щёлока, и думала о том, что любовь, о которой пишут в балладах, — это не это. Там всё

решалось поединком, бегством в ночи, ядом в кубке. А здесь было только корыто у колодца, стёртая пятка и чужой пир, гудящий за стенами.

— Иди, — сказала она наконец. — Тебя хватятся.

— Пусть хватятся.

— Кристоф.

ГЛАВА 3

Он встал, но не сразу, и, уходя, на секунду задержал её ладонь в своей, будто отпускал не руку, а что-то, что уже принадлежало ему сильнее, чем все земли и границы.

Анна просидела у колодца ещё долго. Когда она наконец поднялась, луна уже ушла за башню, и двор стал чёрным, как горло колодца.

Она обулась, поморщившись от боли, и побрела в прачечную.

Там её ждала Марта. Старуха не спала — сидела на лавке, сложив руки на коленях, и смотрела на дверь.

— Часовня, значит, — сказала она без выражения, когда Анна вошла.

— Что?

— Ты говорила — в часовню ходила. А девочка с кухни говорит, что видела тебя у малой галереи. Ночью.

9

Анна замерла. Сердце ухнуло вниз, как в прошлый раз, при слове «невеста».

— Мало ли что видела девчонка, — сказала она ровно. — Темно, не разглядишь.

Марта поднялась. Она была маленькая, сухая, с руками, скрученными работой, но в эту минуту в ней было что-то страшное

— спокойствие человека, который прожил во дворце тридцать лет и видел, как ломались шеи за меньшее.

— Ты думаешь, я глухая, — сказала она. — Или слепая. Или не видела, как тыходишь на рассвете с глазами, как у кошки, объевшейся сметаны.

Анна молчала. Отрицать было нечего, признаваться — нельзя.

Истина, произнесённая вслух, стала бы ядом, а яд во дворце долго не хранят в тайне.

Марта подошла ближе и заговорила тише, но от этого только хуже:

— Слушай меня, девка. Я тебя с пелёнок знаю. Поэтому скажу один раз. Двор — это пруд. В нём красиво, пока не коснёшься дна. А на дне — кости тех, кто думал, что их не видно. Ты поняла меня?

— Поняла, — сказала Анна одними губами.

— Тогда ложись. И чтобы я больше про галереи не слышала.

Марта повернулась к ней спиной, легла на лавку и натянула одеяло до подбородка. Разговор был окончен.

Анна села на свой тюфяк, стянула косынку и долго сидела, прижав ладони к лицу. Ей было не стыдно и не страшно. Ей было тошно от того, что всё, сказанное Мартой, — правда, и правда эта не отменяла ни одного из его прикосновений, ни одного из его слов.

Где-то наверху, в верхних покоях, ещё горели окна: там не спали, там обсуждали её — не её, конечно, а свадьбу, но от этого было не

легче. Анна легла, укрылась с головой и впервые за долгое время попросила неизвестно кого о том, чтобы утро не наступало.

Утро всё-таки наступило — серое, с мелким дождём, который сеялся на камни, как сквозь сито. Анну подняли затемно, и она работала, не разгибаясь, до самого вечера: таскала воду, развешивала бельё в сушильне, тёрла котлы, а в перерывах стояла в холодном дворе с корзиной и ждала, когда позовут подавать. Дождь не прекращался, и полотнища с гербами двух домов обвисли, потемнели, стали тяжёлыми, как знамёна проигранной битвы.

10

Верхние покои гудели. Там принимали послов, подписывали бумаги, спорили о границах и сроках. Маргарету не было видно — она

держалась при своей родственнице и выходила только к столу, и каждый её выход Анна ловила краем глаза, как ловят движение за шторой: невольно, с замиранием.

В сумерках Анну снова поставили подавать к нижнему столу. Вино лилось, как дождь за окнами; казначеи раскраснелись, писцы сбивались в кучки и шептались. Анна носила блюда и думала только

о том, что сегодня он не придёт — не сможет, слишком много глаз, слишком много гостей, которых расселили по всем свободным

покоем, и теперь каждая лестница была на виду.

Но после вечернего колокола, когда она вышла выплеснуть грязную воду в сточную канавку за прачечной, кто-то взял её за локоть сзади.

Она дёрнулась, чуть не выронив ведро.

— Тише, — сказал он. — Это я.

Кристоф стоял в тени, у самой стены, куда не доставал свет из кухонного окна. Плащ у него был мокрый на плечах, волосы потемнели от дождя, и от него пахло сыростью и ночным двором.

— Ты с ума сошёл, — выдохнула Анна. — Здесь ходят.

— Здесь ходят у отхожих мест, а не у канавы. Идём.

Он потянул её за собой, в обход, к старой лестнице, которой давно не пользовались, — узкой, тёмной, с выщербленными ступенями.

Анна шла за ним, и сердце колотилось где-то в горле, и она не спрашивала, куда они идут, потому что ей было всё равно, лишь бы он не выпускал её локоть.

Они поднялись на два пролёта, свернули в коридор, где пахло пылью и старым деревом, и он толкнул низкую дверь. За ней оказалась маленькая комнатка — не то кладовая, не то бывшая каморка кого-то из старых слуг: узкая кровать без белья, сундук, окно, затянутое бычьим пузырём, сквозь который дождь казался серебряной сетью.

— Чья это? — спросила Анна, озираясь.

— Ничья. Старый эконом держал здесь книги. Теперь держат дрова и старые сёдла. Я знаю все такие места, — он усмехнулся невесело, — я в этом дворце вырос.

Он закрыл дверь на засов. Звук этот — глухой, деревянный — прошёл по Анне дрожью, и она вдруг поняла, что они впервые

11

остались одни за закрытой дверью, не считая той библиотеки, но ту дверь они никогда не запирали, и в этом была разница.

— Зачем ты пришёл? — спросила она, хотя ответ был очевиден, и она сама ненавидела себя за этот вопрос.

Кристоф снял плащ и бросил его на сундук. Камзол под ним был тёмный, простой, без знаков — тот, что он, видно, носил, когда хотел не быть герцогом.

— Я весь день не мог выносить этого, — сказал он. — Этих пиров, этих речей. Я смотрел на Маргарету и видел, как она считает дни до свадьбы, и не мог сказать ей ни слова. А потом ты вошла с блюдом, и у меня свело всё внутри.

Он подошёл к ней вплотную. В тесной комнатке шага хватило на то, чтобы между ними не осталось воздуха.

— Я не благородный, Анна, — сказал он тихо. — Не там, где дело касается тебя.

Она подняла лицо. Он был выше, и в темноте его глаза казались совсем чёрными, и дождь всё ещё блестел у него на скулах, как слёзы, которых он не замечал.

— Тогда и я не честная, — ответила она. — Потому что весь день я

слушала, как они делят твою жизнь, и желала, чтобы этот дождь размыл дороги и увёз её обратно.

Он взял её лицо в ладони — так, как уже делал, но теперь не грубо, а бережно, будто боялся, что она растает от дождя. Потом наклонился и поцеловал её. Медленно. Долго. Так, что у неё подогнулись колени, и она вцепилась пальцами в его мокрый камзол, чтобы не упасть.

Он целовал её в губы, в скулы, в шею, спускался ниже, к ямке под горлом, и расстёгивал её лиф — неловко, торопясь, как человек, у которого слишком долго были связаны руки. Ткань намокла и не поддавалась, и тогда он просто потянул, и шнуровка подалась с тихим треском.

— Порвёшь, — выдохнула она.

— Пусть, — сказал он. — Я куплю тебе новую.

Она хотела засмеяться — прачке, новую лиф, — но смех застрял у неё в горле, потому что его ладони уже лежали у неё на груди, поверх сорочки, и она чувствовала их жар сквозь мокрую ткань.

Он отстранился на мгновение, чтобы стащить с себя камзол и рубаху, и она увидела его — в полосе света из окна, с широкими плечами, с

12

тёмным следом от перевязи, с грудью, которая тяжело вздымалась.

Он был красив так, что ей стало больно, потому что эта красота не могла принадлежать ей.

— Иди ко мне, — сказал он.

И она пошла. Она позволила ему поднять её сорочку, позволила своим рукам лечь ему на плечи, на спину, туда, где под кожей перекачивались мышцы. Он целовал её грудь, её живот, он опускался перед ней на колени, как перед алтарём, и дождь за окном стучал по камню всё сильнее, заглушая их дыхание.

ГЛАВА 4

Когда он вошёл в неё, Анна вскрикнула и зажала рот ладонью, потому что стены здесь были тонкие, а двор был одно большое ухо.

Кристоф поймал её руку и поцеловал пальцы, один за другим, не останавливаясь, не отпуская, и она смотрела в его лицо, искажённое близостью, и думала, что теперь между ними не осталось ничего, что можно было бы назвать расстоянием.

Он двигался в ней медленно, намеренно медленно, как человек, который хочет запомнить всё до последнего вздоха, и шептал что-то, чего она не разбирала, но что звучало как её имя и как обещание.

Она обхватила его ногами, прижалась к нему всем телом, и мир снаружи — дождь, дворец, невеста, границы — отодвинулся куда-то далеко, за грань, где уже не имел над ними власти.

Она не знала, сколько это длилось. Дождь то стихал, то принимался снова, и в паузах было слышно только их дыхание — его, тяжёлое, срывающееся, и её, загнанное, как у беглянки.

Он кончил, не отводя от неё глаз, и она увидела, как у него дрогнуло горло, как сжались челюсти, как он до боли стиснул её бёдра, будто она могла исчезнуть. Потом он опустился на неё всем телом, и она приняла его, прижала к груди, обняла за мокрые волосы. Они

лежали так долго, не говоря ни слова, и только дождь затянутым пузырьком окном отсчитывал им время, которого ни у кого из них не было.

— Я не отпущу тебя, — сказал он наконец, уткнувшись ей в шею.

Голос был низкий, хриплый, чужой.

— А я не прошу отпустить, — ответила она.

Он приподнялся на локте и посмотрел на неё. В полутьме она видела его лицо совсем близко: мокрые ресницы, тень от дождя на

13

скулах, рот, который только что был на ней, а теперь снова стал ртом герцога — твёрдым, сомкнутым.

— Если они узнают, — начал он, но она прижала палец к его губам.

— Не сегодня. Сегодня они не узнают.

Он поцеловал её палец и отвёл её руку.

— Ты умеешь заставить меня молчать, — сказал он почти с удивлением.

— Я умею только одно, — ответила Анна. — Держать тебя, пока ты не вырвешься.

— Я не вырвусь.

Он сел, потянув её за собой. Она поправила сорочку, одёрнула её на груди, и жест этот был такой простой, такой из её нижнего, прачечного мира, что между ними снова встала невидимая стена: он

— нагой, но всё равно герцог, она — одетая, но всё равно голая перед ним навсегда.

Кристоф поднял с пола её лиф, подержал, разглядывая оборванную шнуровку, и усмехнулся краем рта.

— Я же сказал — куплю новую.

— Купишь, и все узнают, откуда у прачки такая вещь.

— Тогда я отдам тебе старую рубаху, — сказал он, натягивая свою. — В ней ты будешь ходить, как я, только тоньше.

Она рассмеялась — тихо, коротко, впервые за все эти дни. Смех вышел нервный, на грани слёз, но всё-таки смех, и от него стало легче, как бывает, когда долго молчишь, а потом вдруг подаёшь голос.

Они одевались молча, не глядя друг на друга, и эта тишина была тяжелее разговора. Анна чувствовала, как по ногам всё ещё стынет то тепло, что он оставил в ней, и думала, что теперь у неё есть что-то, чего нельзя отнять ни свадьбой, ни дождём, ни всем двором сразу.

У двери он взял её за руку и повернул к себе.

— Слушай меня, — сказал он. — Что бы ты ни увидела за эти дни, что бы ни услышала, — помни, что я твой. Не её. Не двора. Твой.

— А ты помни, — ответила она, — что если ты мой, то я — твоя. А твою прачку могут утопить в сточной канаве, и никто не спросит, где она была ночью.

Он сжал её руку так, что стало больно.

— Не смей так говорить.

14

— Я не пугаю тебя, Кристоф. Я говорю, как есть. Ты живёшь в верхних покоях, а я знаю, сколько во дворце дверей, за которые

можно выйти и не вернуться.

Он долго смотрел на неё. Потом притянул к себе, прижал к груди и зарылся лицом в её волосы.

— Тогда я выведу тебя отсюда, — сказал он глухо. — Дай мне время.

Я что-нибудь придумаю.

— Время у нас есть, — сказала Анна. — До первого снега.

Он отстранился, заглянул ей в лицо, будто хотел сказать ещё что-то, но промолчал. Вместо этого поцеловал её — в лоб, по-домашнему, как не целуют прислугу, — и отодвинул засов.

Они вышли порознь: сначала она, в темноту, к лестнице, потом он, выждав, сколько нужно, чтобы шаги в коридоре растаяли. Дождь

перестал. От камней поднимался холодный пар, и в лужах у

прачечной дрожали редкие огни верхних окон. Анна скользнула

внутрь, разделась в темноте, смыла с себя его запах ледяной водой, как смывала всегда, и легла.

Марта не проснулась. Или сделала вид.

Анна лежала на спине, глядя в тёмный потолок, и на губах у неё всё ещё был вкус дождя и его кожи. Она знала, что завтра всё вернётся: котлы, щёлок, чужие простыни, невеста за верхним столом. Но

сегодня, впервые за долгое время, ей было всё равно, что будет

завтра. Сегодня он был её — целиком, до последнего вздоха, и это, как она теперь понимала, стоило любого «завтра».

Утром её разбудил не колокол, а чей-то взгляд. Она открыла глаза и увидела Марту: старуха стояла у её тюфяка, сложив руки на животе, и смотрела на неё сверху вниз, как смотрят на разлитую воду, когда

уже поздно вытирать.

— Вставай, — сказала Марта. — Сорочку свою погляди.

Анна села, ещё не проснувшись до конца, и опустила глаза. На подоле, у самого края, темнело пятно — не щёлок, не сажа. Кровь.

Её собственная, от вчерашнего. Она слишком устала, чтобы заметить её ночью.

Она быстро прикрыла пятно одеялом, но Марта уже всё увидела. И не сказала ничего. Только качнула головой, как человек, который не в первый раз смотрит на чужую беду и уже не тратит на неё слов.

— Вымой, — бросила она наконец. — И смотри, чтобы никто не видел.

15

К вечеру прибежала Дина, поварова дочь, покрасневшая, с мокрым от пара лицом.

— Слышала? — зашептала она, присев на край корыта. — Свадьбу перенесли. Не на середину осени. Раньше.

Анна замерла, не вынимая рук из воды.

— На когда?

— На праздник урожая. Как только управятся с дарственными. Леди торопится — говорят, её отец болен и хочет успеть обвенчать дочь до его смерти.

Анна медленно выпрямилась. Праздник урожая — это не «до первого снега». Это через считанные недели, когда обмолят последний сноп и дворец украсят колосьями и яблоками.

— Откуда знаешь? — спросила она, и голос её, к её собственному

удивлению, прозвучал ровно.

— С кухни слышно всё. Повар ругался, что придётся закалывать осенних поросят раньше срока.

Дина тараторила ещё что-то — про вино, про то, что из северных земель уже едут сваты, — но Анна её не слушала. Перед глазами стояла одна картинка: полотнища с гербами, обвисшие под дождём, и он, говорящий: «У нас есть время до первого снега». Теперь время сжалось, как мокрый холст, и давило на грудь.

Ночью она не пошла к библиотеке. Не потому, что боялась, — просто ноги сами несли её к прачечной, а внутри всё онемело. Она легла и лежала без сна, слушая, как в верхних покоях гаснут огни один за другим.

Он не приходил. И это было правильно, и от этого было невыносимо.

ГЛАВА 5

Под утро, когда за окном только-только посерело, дверь прачечной тихо скрипнула. Анна открыла глаза. В проёме стояла Марта — но не одна. За её спиной, в сером рассветном свете, угадывался чей-то силуэт: узкий, в тёмном, с белым чепцом.

Компаньонка леди Маргареты.

— Поднимайся, — сказала Марта, не глядя на Анну. — К тебе пришли.

Анна села. Сердце стучало где-то в горле, но лицо её, как ей казалось, оставалось спокойным. Женщина с острым носом вошла, 16 окинула взглядом тюфяк, корыто, развешанное бельё — всё это хозяйство нижней жизни, — и остановила глаза на Анне.

— Леди Маргарета желает видеть тебя, — сказала она без приветствия. — Оденься и иди за мной.

— Зачем я ей? — спросила Анна.

— Не твоё дело спрашивать, — отрезала женщина. — Твоё дело — идти.

Анна медленно поднялась, накинула платье, повязала косынку.

Пальцы слушались плохо, но она заставила их не дрожать. Проходя мимо Марты, она встретила её взгляд — и впервые увидела в нём не упрёк, а что-то похожее на жалость, смешанную со страхом. Это было хуже всего.

Компаньонка уже шла впереди, не оборачиваясь. Анна двинулась следом — вверх, по лестнице для слуг, потом по галерее, где она не была ни разу, потому что таких туда не пускали. Каменные стены сменялись деревянными панелями, на полу появились ковры, гасившие шаги, и тишина здесь была другая — не пустая, а настороженная, как перед ударом.

Они остановились перед дверью, обитой тёмным деревом.

Компаньонка постучала, дождалась короткого «войдите» и отворила.

— Входи, — сказала она. — И помни, перед кем стоишь.

Анна шагнула внутрь. Комната была светлая, с высоким окном, за которым медленно разгоралось утро. У окна, спиной к двери, стояла леди Маргарета — прямая, в домашнем платье цвета слоновой кости, с распущенными по плечам светлыми волосами.

Она не обернулась, когда дверь закрылась. Молчание длилось

долго, и в этом молчании Анна услышала всё, что ей предстояло потерять.

— Говорят, — произнесла Маргарета наконец, всё ещё не оборачиваясь, — что в этом дворце даже стены имеют уши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.